

Вс. СУРГАНОВ

«ЛЕЗВИЕ БРИТАВЬ» И РАНА НАШЕГО ВРЕМЕНИ

ГЕНИАЛЬНЫЙ физик Рен Боз и известный теологический космолог Мвен Мас решили поставить в одной из высокогорных долин Тибета грандиозный опыт, стремясь раскрыть загадку куль-превращения и разом приблизить на расстояние протянутой руки далекие звездные миры. Опыт начался удачно: на какие-то считанные миры глазам Мас открылся облик неведомой планеты. Но тут же все было сметено гигантским взрывом. Ученые чудом остались в живых. Однако казалось невозможным доказать правдивость расчетов, реальность достигнутого, а главное — оправдать риск и потерю. Стоит ли продолжать начатый эксперимент, как оценить поступок его инициаторов — вот какой нелегкий вопрос предстояло решить членам Совета Экономического сотрудничества, когда они собрались на срочное заседание.

Эта история из «Туманности Андромеды» недавно исполняется при чтении нового романа Ивана Ефремова «Роман», можно назвать «экспериментально» в попытке следовать основным положениям моей статьи «Идеальный горизонт» о литературе будущего («Вопросы литературы», № 8, 1962 г.), — заявил писатель в небольшом авторедактировании к новой работе. Эти основные положения утверждать ведущую, если не монополющую роль искусства и литературы в деле воспитания человека завтрашнего дня. По мысли И. Ефремова, в сюжетную основу новых книг должны быть включены «концепты высшего порядка», важнейшие научные и этические проблемы современности. Вздохновенный творческий поиск исследователя или художника определяет остроту и динамику этих сюжетов, а лавина дивительнейших операций, нарастающая во всех областях знания, обеспечит любого писателя неограниченными запасами «строительного материала»... Попытка создать книгу нового типа, отвечающую этим требованиям, попытка прорваться в завтрашний коммунистический день нашей литературы и явился роман «Лезвие бритвы».

«За несомненным духом фантастических допущения, научная канва романа не содержит ничего, не соответствующего современному уровню познания, и он не может быть назван научно-фантастическим в узком смысле», — пишет И. Ефремов.

Точнее было бы сказать — в смысле обобщения до недавнего времени. Потому что современная наука — в понимании Ефремова — есть не что иное, как фантазия, доказавшая свои возможности, а то, что писатель называет «единой канвой» романа — смелые гипотезы и питающие их любопытнейшие наблюдения, терпеливо отобранные в сокровищнице медицины, этнографии, биологии, истории искусства, — почти все это расположено, выражаясь языком писателя, у «Предельного Знания».

Ефремов — художник лишь постольку, поскольку он исследователь, спящий волнами все и обратив внимание на его сознании только при сближении с загадочным неведомым. Но столь же непреходяща дана и обратная зависимость. Ефремов — исследователь постольку, поскольку он художник. Божественный материал, он за доверие к чудесам! В каждом из них видится ему проявление какою-то еще не познанным.

И. Ефремов, «Лезвие бритвы». Роман. «Нава», М-М 6-9, 1963.

ных нами сил и законов. Он убеждает: любое чудо может, должно стать некой на пути к открытию, а любое из таких открытий в свою очередь направлено к утверждению самого большого и в мире чуда, имя которому Человек.

Последнее очень важно для понимания «Романа»: наиболее действенным инструментом, помогающим раскрыть неисчерпаемые и почти неиспользуемые нами сознанием возможности физического и духовного совершенства, заложенные в человеческой природе. Ефремов пытается доказать выработанную за многие века физиологическую и психическую приспособленность человека к состоянию «нормальности» и к состоянию естественным и нормальным. И поэтому лучшим энграммом к «Лезвию бритвы» могли бы послужить вотствующие комматэ слова Владимира Короленко: «Человек создан для счастья, как птица для полета». Причем чудесный этот образ неожиданно обретает по отношению к роману еще один, буквальный и в то же время по-особому, по-ефремовски, фантастический смысл.

Фантастичность здесь — от дерзости самой идеи. Палеонтологу по основной своей профессии, автору «Лезвия» не раз приходилось пробыть вместе с древним пластом, чтобы прочитать очередную страницу в каменной книге Времени. Но теперь не кошмарный вид вымерших чудящихся требовалось ему воссоздать. Проникая к самым начальным процессам формирования той «сложной биологической машины», какую Ефремов считает человеческий организм, он поставил перед собой задачу увидеть и показать живые черты будущего, вызревающие в ярови, в душах, во внешнем облике наших далеких предков, а также современников. Думается, для писателя, пытающегося создать на такой основе художественное произведение, это было не простым делом, а также современным. Думается, для писателя, пытающегося создать на такой основе художественное произведение, это было не простым делом, а также современным. Думается, для писателя, пытающегося создать на такой основе художественное произведение, это было не простым делом, а также современным.

И все-таки я не могу считать новый роман — это такое убеждение? Прежде всего оно возникает в отношении удивительной неуловимости и запутанности огромной кон-

струкция, в ощущении двуслойности книги, где, словно вода и масло, механически смешаны научно-гипотетическая основа содержания и ее собственно-приключенческая, авантюристическая оболочка.

Парадоксально, но факт! Выступая в статье «Наклонный горизонт» с резкой отповедью авторам комиксов и детективов, Ефремов настойчиво «расторгает» научный материал своего романа в приключенческих гангстерах и охотниках за алмазами, в таинственных похождениях прекрасной шпионки, автотомобильных погонях, избиваниях, убийствах. Печальнее всего, что это отнюдь не случайность — это сознательный прием. Многогранная и малоизвестная психофизиология человека показала писателю, по его словам, «настолько сложной для беллетристического профаника, что роман грозил превратиться в сборник научных прозаических эссе». Поэтому пришлось значительно расширить его, придав ему приключенческий характер.

Нетрудно увидеть, что такое соблюдение этой традиционной и якобы прямой зависимости привело к обратному результату: чем более условностями и множителем проблемы и гипотезы, разворачиваемые в романе, тем примитивней кажется организация их оформления. В свое время Ефремов выступил как новатор привлечением к теме, решительно перестроив индустриальные традиции старой литературы, ее прелеющую колониальную эстетику. В «Лезвии» же почувствовался какой-то поворот, едва ли не движение вспять. Действие книги происходит в наши дни, но лишь далекие отзвуки волнующих нас событий донашивают сюда. И если в повести «На краю Океана» Ефремов увидел и показал древнюю Африку сквозь призму нашей революционной современности, то в «Лезвии» современная Африка, борющаяся и побеждающая, разворачивается перед нами унылой панорамой выжженных солнцем пустынных берегов, ареной приключенческой браконьерской охоты за алмазами. Почти все встает здесь Индия — туман древних храмов, бесстрастным сиянием гималайских вершин. И даже удушливая Москва и надбрызанные Сингапура служат писателю только фоном для сцен, имеющих мало общего с нынешним нашим миром.

Но разве то, что эволюционировала в его раздумьях о человеческой природе, не могло само по себе захватить дерзостью писательской мысли, столкновением, взаимным соприкосновением, взаимным азартом научного поиска? А разве не увлекательен тот путь, по которому веяние глубины минувших тысячелетий? Конечно, здесь много и своего, сложного, и иного трудно сразу понять и принять... Однако именно здесь прорывается с неожиданной силой новое замление пересмотреть с наших сегодняшних позиций, с наших сегодняшних привычек, установившихся взглядов и представлений. Именно здесь кончается индустриальный познательный материал книги. И уже поэтому — прелесть всего потому! Возникает перепиль и приключенческой буффары.

Но это бы еще победа. Экзотиче-

ская повозка при всей видимой туманности своей по отношению к научной основе романа отсюда не остается нейтральной. Она неизбежно воздвигается на эту основу, как рога на жезле, развешая, вулгаризируя главную мысль романа и в особенности образное воплощение этой мысли.

Это приводит в голову тем чаще, чем дальше следуют за развитием образа Гирна одного из главных героев в «Лезвии Бритвы». Очень интересно намеченный в начале книги, действенный и своеобразный характер этот по мере движения событий все более приобретает черты резонера. И несомненно Векс Гирн задумав и воплощая в романе не только как ученый и человек нового типа, борющийся с проблемами познания, но и как удачливый персонаж детективной фабулы, а также как прямой популяризатор и пропагандист продвинутой идеи. При подобной «правосторонности» неизбежно образуется некая средняя провинциальная величина, движение которой с железной закономерностью устремляется по линии наименьшего художественного сопротивления.

Показательна в этой связи лекция, прочитанная Гирном в Доме ученых перед аудиторией, заинтересовавшейся проблемами познания, прелестью. При всем несомненном интересе доводов, привнесенных ученым, в этой лекции осязательно чувствуется чрезмерное увеличение малоисследованных проблем физиологической природы наших понятий о красоте при явном игнорировании социального их содержания. Не потому ли так пренебрежительно отнесся герой Ефремова к реплике одного из слушателей, который упрелнул его в солидарности с Фрейдом? Поскольку Гирн уделяет особое внимание проблеме подсознательного и в первую очередь процессам, связанным с законами в нашем подсознании инстинктами пола и продолжения рода, а также размышляет о влиянии этих процессов на эстетические эмоции, постольку здесь, конечно же, наметилась известная точка соприкосновения с Фрейдом. Смысл: Гирн и не отрицает этого, больше того — он говорит о своем столкновении с локонной теорией. Но ведь делается это между прочим, в форме ответной ироничной реплики в адрес оппонента, который, кстати, как и остальные провинциалы Гирна в этот эпизод, здесь домог оппонента.

Разумеется, развирни автор здесь настоящую дискуссию — и весь эпизод, без того «прелесть» и «интерес», немедленно оказался бы охваченным бурным процессом кристаллизации, серия из каких-то следствия — статьи художественности и превращался в ученый трактат. Но ведь следствием этой увлечения Гирна и его резонерство тоже не удаляют книги!

Тем более, что свойства эти проявляются не только в гирнических высказываниях, но и в рассуждениях других персонажей романа, а также в мыслях, которые развивает сам автор. Ефремову очень важно соопределить, насколько буржуазный ученый, в чем представляли первобытный человек выиграл жадный раб, гротескный хит. И вот прелесть красочной, сложной расы предает перед нами в изображении Ефремова как ленивой золотой

ВРЕМЯ СОБЫТИЯ ЛЮДИ

На снимке: Анна Ивановна МАКУШЕВА (в центре) среди московских туристов.

ЗДРАВСТВУЙТЕ, ТАТЬЯН!

Я ЛЮБЛЮ этот рассказ — «Разведчик Татьяна». В нем все просто и мужественно. И шемшица душа правда его, и все эта исповедь матросского брата еще с давней военной поры дороги мне, и вспоминаются, и тревожат.

Иногда я достаю этот рассказ и перечитываю. И вижу маленькую разведчицу Татьяну, вылезшую оковы на себя, и ее же, раненую, стреляющую из тыма камомломи, и огромного Ефима Дырцу, плачущего от страха перед потерей любимой, и его мутнеющий взгляд:

— Коль помру, мочайте. Не треба ей говорить, нехай про то не чуят... Живой буду, сам скажу...

Вот тогда-то мне приходит мысль, что хорошо бы знать, где сейчас «Разведчик Татьяна», и жила ли она, и жил ли Ефим Дырца, и знает ли о них кто-нибудь сам автор — Леонид Соболев?

О ДНАЖДЫ я был в Одессе. Так, по делам. И бродил по городу, пытался представить его полуразрушенным «оружейным» городом, — город героев «Морской души». Но я и не думал, не мог даже предположить, что случай столкнет меня с Анной Ивановной Макашевой — с той Анной Макашевой, о которой писал в «Литературной полчины отважной морской разведчицы». И ее имя, и имя поэта я видел высеченными на мемориальной доске на дочечинах на мемориальной доске в 1941 г. находился отряд матросов-разведчиков Одесского оборонительного района. Имена матросов, которые особо отличились... И дальше фамилии.

Я расспрашивал Анну Ивановну, приехавшую посылкой 5-го отселения связи, о тех давних годах, о ее товарищах-матросах, о ней самой.

В первый же день войны она подала заявление посылкой Одессе: «Я меткий

стрелок Осоавиахима, стреляю даже из пистолета... Пошу.» Ее направили в морскую разведку. Девушка, так похожая на мальчишку-подростка, в тельняшке, а башка, и бескомар, чуть наклоненная на правую бровь, с револьвером на боку, пришла в отряд матросов.

Впервые в тыл врага она отправилась по заданию командования вместе со своей подружкой Сашией. Узарид автомат. Саша ушла. Маленькая точка на виске и тонкая струйка крови — по завиткам волос, по трогательно слабой шее. И из расщелины скалы — снова автоматная очередь и голос:

— Ругус, сафайе!

Граната слетела свое дело: голос потонул в разрыве.

А потом она плакала:

— Отому за тебя, Сашенка, отому!

В 35 километрах от Одессы немцы заняли водоапорную станцию — в городе не стало воды. Почти весь август не шли дожди. Мутная влага выдавалась по карточкам.

Анна пробиралась к станции камышами. Вот здесь отпеклась точка, здесь полк охранял, но столько-то смеялись патуриу — она все запоминала. Вместе с отрядом матросов она шла отбивать станцию. И снова в краях, в колонках во всем городе заурчала, забилла вода.

Как-то в разведке, отпеклась врага от морем, Анна одну за одной выпускала ракеты. Ее ранило. Утром к расщелине камомломи подошли немцы — она стала отстреливаться. Онодай моряк хотел на минуточку, и уж не быть ей живой. Они успели, но пуля сразила огромного матроса — доброго, большого человека, всегда оберегающего мальчишку, ее. Это — Ефим Дырца.

Его увезли в госпиталь.

...Вот когда я спросил Анну Ивановну о Соболеве. Ну конечно, она его знает, помнит, как встретила с ним в отряде, где его считали своим.

Читали рассказ «Разведчик Татьяна»?

Этот вопрос я сам хотел задать, но задала его она. И сказала то, что недогадывал в своем очерке Григорий Пожевин.

— Там про меня... Как и рана была, про того матроса. В общем, про наш отряд.

И она достала «Морскую душу» Леонида Соболева, сразу же раскрасила книгу на рассказе о самой себе, и мы молча стали читать. И рядом со мной сидела она, разведчица, поющая женщины, отчаянной храбрости раненая девочка, умудренный опытом и голыми человек.

ЧТО Я ЕЩЕ узнал о ней? Что в бою под Керсонесским маяком числилась ее пуля, что, обесследенную, бесимитную, взяли ее в плен, а дальше — конлагера и тюрьмы. И дрожал голос, тужко, когда теда не верят свои же люди, а так было после плена. Но вот орден Ленина, мандат депутата районета. А мемориальную доску я видел еще раньше.

— А Ефим Дырца? — спрашиваю я. — Как Ефим? А вы... вы любилл его?

Больше ни о чем не спрашиваю. Потому что она молчит, потому что вижу грустные ее глаза — нельзя в такую минуту тревожить человека.

Если он жив, Ефим Дырца — грома-

ный матроскомандир с «Парижской коммуны», мне бы хотелось, чтобы и он узнал, что жила, здорова маленькая разведчица «Татьяна».

П. ИАЬШЕНКО

Перед тем как посылать эту корреспонденцию в набор, мы позвонили Леониду Сергеевичу Соболеву. Всего несколькими штрихами дополнил писателю эту историю, но без них многое осталось бы недооформленным.

Об Анне Макашевой Л. Соболев рассказывал не только в «Разведчике Татьяне», но и в одном из фронтовых очерков. Там описан случай, как маленькая разведчица Анна под Севастополем подвела в атаку отряд матросов, прижатых к земле немцами противника.

— Она крикнула тогда, — вспоминает Леонид Сергеевич, — «Эта что же вы, мужики, лежите, а девка — вперед идет! Вставай, в атаку!» Такая была Анна...

Потом сиделась в госпитале Севастополе. Она подошла: «Узнаете?»

Вспомнил ту встречу, после которой родился рассказ. И вдруг Анна справила:

«Эта правда, что вы тогда написали? Неужели он любил меня?»

— И в первый раз за всю жизнь я пожалел, что писатель имеет право на домысел. — закончил Леонид Сергеевич.

Инна КАШЕЖЕВА

Закон Вселенной

Вновь водопады, как пасти,
Всю ночь мне снятся до зари...
Открыла пропасты, как пасти,
Земля, горячая внутри.

Оплаваны огнем ресницы...
А добрым людям пусть везде

Хоть на мгновение приснится
Земля, припавшая к воде,
К прохладным струям водопада...
О, люди! Слушайте меня!
Не надо, слышите, не надо!

Земле достаточно огня.

Пусть розовым будут стены
Не от пожаров, от зари...
Таков закон. Закон Вселенной —
Земля пылает изнутри.

Р. БАУМВОЛЬ

ПЕРЕЦ В ПИЛЮЛЯХ

СКАЗКИ ДЛЯ ВЗРОСЛЫХ

ЕЖ И ХОРЕК

— Нетично быть таким колочим, — говорил ему хорек. Он лично предпочитал другой метод.

КРЫЛАТАЯ РОДНЯ

ПАВЛИН И ПАВА

Павлин, когда ухаживал за павой, развораживал, бывало, перед ней свой великолепный хвост и говорил:

— Ты видишь, моя дорогая, этот играющий всеми цветами радуги хвост? Скажи только од-

ЧУЖАЯ ИГЛА

нгл, пусть будет еще одна. Подумаешь!

— Так ведь, ты ильи других колот, — отвечает аж, — а эта меня!

НОВЕНЬКИЙ

— Когда же ты успел!

— А я лопатой.

— Кто же это эст лопатой!

— Я не знал — я новенький...

ПЕРВЫЙ УРОК

— Я хочу выбраться из гнезда, — пискуил птенчик. Он еще был мокрый, с кусочком скорлупы на голове.

век могучих и отважных преобразователей и устроителей мира», как счастливая пара гармонии тела и духа, идеальных отношений мужчины и женщины, личности и общества. Вызревающие же в недрах первобытного коммунизма экономические и социальные противоречия, трагичные и одновременно прогрессивные по отношению к своей эпохе закономерности, подготовившие взрыв и смуту общественных формаций, в данный момент мало интересуют писателя и его героев, чьи мысли и чувства занимают «одна, но пламенная страсть».

Что-то очень похожее происходит в тех случаях, когда Ефремов, продолжая размышлять над Великою Тайной Красоты, переносится в современность. Проводит перед нами целую плеску красавиц, воспевая победную красоту женского тела, он не замечает, насколько ограничивается им значение женщины в жизни нынешнего и будущего общества: на ее долю остается только область искусства, причем, и здесь она чаще всего выступает в пассивной роли, в качестве прекрасной натуры. Честное слово, это порою даже выглядит как своеобразный перенос тех самых отношений к женщине, которые так настойчиво атакует Ефремов. Бойцовской вся цепь его размышлений по этому поводу, равно как и события, изображенные в романе, утверждает культ женского тела прежде всего как объекта эстетического и физического наслаждения для эвалантных мужчин — художника, мужа, влюбленного...

Почти все эпизоды, в которых действуют Гирин, и особенно истории совершенных им разнообразных исследований откровенно иллюстративны. И не этим ли можно еще объяснить «однообразие» той истории, в которой живет Итересные и поучительные сами по себе, эти истории не играют абсолютно никакой роли в развитии действия. Сюда же относится чудесные галлюцинации таежного охотника, перенесшие нас в крошечные станицы. Каждый из этих эпизодов выписан ярко, проникнут чувством гордости за человека, вставшего на грозной позиции с чудовищной первобытной природой. И все-таки это иллюстрации, только иллюстрации — пусть даже абсолютно верной, глубоко содержательной мысли.

Может быть, так и задуман был сам роман — как цепь художественных иллюстраций к раздумьям и гипотезам писателя-ученого, цепь, украшенная гирляндами экзотических приключений? Возможно. Но прямомерно ли это? Думается, нет! В том-то и заключается принципиальное отличие иллюстраций от подлинно художественного, образного воссоздания жизни, что она, делая мысль наглядной и оттого в какой-то степени более убедительной, в то же время намертво записывает и тем ограничивает ее, обрывает ее движение, ее диалектические связи с другими мыслями и переживаниями, а значит, и с реальной действительностью.

Разительный тому пример — одна из наиболее удавшихся Ефремову вставных новелл «Лезвия», где повествуется о встрече молодого Гирина с крестьянской девушкой Анной. Сцены эти выписаны в энергичной и выразительной манере, характеры, созданные здесь, пластичны, действие развивается в непрерывном драматическом напряжении. Трагедия, которую переживает Анна, с особенной убедительностью помогает понять и увидеть зарождающиеся в ней большие чувства. Здесь просматриваются как-то точнее психологические оттенки: благородность, места о счастье, горечь пережитого унижения, испуганное и радостное ощущение духовной близости к незнакому человеку, горячая откровенность обманутой и «ославленной»...

Возможно, не потеряв ничего от своих прежних достоинств, Ефремов-художник проявился здесь в каком-то не-

ожиданном для фантаста обличье зоркого и умного бытописателя-психолога, мастера традиционной и яркой реалистической прозы. И вдруг это многообещающее начало оборывается... Оказывается, вся история романтического знакомства молодых людей была нужна Ефремову лишь постольку, поскольку ему требовалось показать, очерченной любопытный эксперимент чудесного излечения Гириним парализованной матери Анны, а заодно, коснувшись некоторых поверий и предрассудков, господствующих в деревенской гущи,

«МОННО ли в научно-фантастическом романе, насыщенном... огромным количеством научных и мировоззренческих проблем, в романе, устремленном в далекое будущее, изображать человека с такой же полнотой и теми же способами, как в обычной реалистической прозе?» — спрашивают Е. Брандис и Бя. Дмитриевский, анализируя «Туманность Андромеды» в своей в общем очень интересной монографии о творчестве Ефремова. Ответ они дают, разумеется, отрицательный: «Если бы автор подробно, с точными психологическими познаниями стал описывать любовь и дружбу своих героев», то книга «не только разрознилась бы до беспорядка томов, но и утратила бы, по-видимому, жанровые признаки научно-фантастического романа... тутандал бы впечатлительный котелник необычности и снизилась до уровня фантастики «ближнего прицела».

Здесь выдвигается гораздо больше заботы о самих жанровых признаках, о некоем установившемся каноне, нежели о действительной помощи художнику-фантасту сегодняшнего дня... «...фантастов все больше интересует неизменный и главный объект художественной литературы — человек.

Автор «Лезвия» меньше всего тревожится о «признаках жанра» и «классическом канониче». Не боится он и «науглублю» воздействия реалистического письма. Он думает об одном: как провести до читателя во всем многообразии и глубине волнующие его мысли, и последовательно использовать на этом пути все или почти все имеющиеся в его распоряжении испытанные приемы — и фантастику и приключения, и детектив, и очерково-публицистический элемент, и даже «тончайшие психологические нюансы». И вот что ему дается, и порою отчаяно. Но чаще всего проблеск успеха сменяется неудачей. Но единственно возможный путь к победе здесь тоже проходит «по лезвию бритвы». Новое содержание, новый актуальный материал, резко неожиданный угол поворота темы не мешают ни в какие каноны, требуют новых форм и приемов воплощения и в то же время оставляют неизменным главное условие искусства — чувство правды, моральной целостности, психологической глубины.

«...Обстоятельства для окончательного суждения несложны. Для Рен Бюза и вообще исключиво ответственность Геной ученой не воспользуется приравленным ему возможностям, особенно если он уверен в успехе? Сокушительная неудача опыта послужит уроком, Однако несомненна и польза опыта, так как теперь эксперимент поможет разрешению множества вопросов, о которых в Академии Пределов Гирини только еще начинали думать».

По сути, нечего добавит и этим словам председателя Совета Звездолетания, который поднес итог обсуждению поступка Мена Маса и его товарища.

«В опубликованной недавно статье «Будущее, его провозвешивания и лжепророков» («Коммунист», № 2, 1964) сами названные автором пишут: «...делать видения на «селезенку жизни» — значит выводить научную фантастику на периферию большой советской литературы». Остаются пожелать, что в монографии о творчестве Ефремова эта мысль еще не была приписана к доводам несостоятельности. (Примечание автора)»

НАКАПУНЕ 8 МАРТА

томилась, когда
сломом песочного
такие хостоны
дрот формулюс:
то, которая слу-
наченим тасчла
вая с отменного
линии, удачно
ни и т. п.
приятно идти ря-
ном, на которую
реченья. Вскоре
что она унаха
беседаща. А по-
и ему уже ба-
во что она оде-
на говорит: — все
льно, потому что
и
кого-то времени, в
моментах устро он
увидел дакто-
мача кусочек го-
ди плотно закрыл
широко раскрыл
что это его соб-

еена. Она могла бы связать
с нашей короткой талией, ко-
торая у вас буквально под
мышками, а пашкой юбке вам
будете, как матришка на само-
варе. Но вместо шпортовой та-
лией она говорит «высокая та-
лия» и не замечает с некото-
рым скепсисом с куклой мат-
ришкой.

Анна Алексеевна — заморы-
щица, выдающаяся талант в
своей области. Но есть еще
короткий атлет — Барвара Фи-
липповна. Она-то и пригла-
щается на лекцию примерку.

— Вот тут, вы видите! — го-
ворит Анна Алексеевна, свет-
ло прижимая к бедру заказ-
чицы, и выразительно пере-
глядывается с Барварой Фи-
липповной.

«Что у меня там твое?» —
в траготе думает заказчица и
сжимает глаза, чтобы раз-
глядеть свое бадро.

собером — и будет классиче-
ский салют.

Неизвестно, чем была занята
природо-математик, когда за-
пускала в свет ступоло и про-
содового человека. А может
быть, не досмотрели родители
и учителя, когда этот человек
способности и умности в пар-
ту носом на целых десять лет.
И вот теперь добродомовла-
старается исправить допущен-
ные ошибки.

А могли бы не исправлять.
Могли бы сказать с равнодуш-
ным видом: вам нравятся пыш-
ная юбка! Помаду! Без ве-
ротнее! Пускай без воротни-
ка!

И получалась бы неуклюжая
фигура, не женщина, а кари-
катура, как в «Директивном
бюлетене» Ильфа и Петрова. Но
картинку не будет. Наобо-
рот — картина, заглядеши!

На второй и последняя при-
мерка появляется еще одна
женщина, директор ателье На-
дежда Федоровна. Она про-
сит заказчицу выйти из тесной
примерочной и пройтись по
залу.

Как, пройдишь на глазах у
всех! Ничего, новое платье
придаст смелости, и заказчица,
скромно потупишишь, испол-
няет просьбу.

— Ах, как мило! Ах, какое
красное платье! — хором
восклицают все другие заказ-
чицы.

— Разрешите мне утри-
— говорит Анна Алексеевна —
а бы лучше сказала не мое
красное платье, а «кваш ВВ
КРАСИВАЯ» в этом платье».

А дальше было то самое, о
чем я и рассказывала вначале.
Сперва незначительные мелочи
обратил внимание на цвет, по-
том на платье, а затем впо-
добил и стал счастливый чело-
век. Будем надеяться, что
на всю жизнь.

Справляла наш весенний жен-
ский праздник, мы, красное
одетая и в хорошем настро-
нии, с благодарностью вспо-
минаем тех, кто прибавил нам ра-
дости. Рисунок Е. ПОЗДНЕВА

и красивая

в глубоким халя-
мом потупишишь и
оно, счастья
ала этому, само-
красному, кук и
ономуному чело-
векостю. О том,
что меня по-
говорила Анна
Алексеевна на за-
ную талию, маз-
некурдите кро-
женщина на
Должна носить
они убегают,
ту. Высокая те-
логи... очень хо-
нам не страшно
ируют.
мала пишную об-
заказчица
мне, что это не
страшности, —
та Анна Алекс-

— Ничего особенного, — доб-
родовительно успокаивает Ан-
на Алексеевна. — Это почти у
привычка. Просто разное де-
лаю, как плетет. При этом раз-
ной работе за столом — обы-
чной записке. Присутств — и все
будет в порядке.

Заказчица даже в голову не
приходит, что она слезла с кон-
вобока. Просто разное де-
лаю при устной работе.
К тому же «это почти у
всех».

Барвара Филипповна сосре-
доточено рассматривает то
самое, что вскоре станет
платьем.

— Долголи слова замет-
ны, а сизу — наоборот, — го-
ворит она.

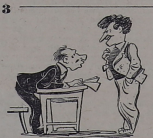
Анна Алексеевна соглашает-
ся: — Сделай воротничок, это
выглядит спинку, а сзади при-

АРТОВСКИЙ

НИЧКОМ!

В ЕХ ГЛАВХ С ЭКСПОЗИЦИЕЙ И ПОСЛЕСЛОВИЕМ

Что-то слышно плохо, — дисце-
мерно мандует критик, — голо да-
же не ушла... Как твои фамилии?
— Вместе грузил воровали! —
кричит трубака Скотина, говоро,
выпишица, а старого друга не продаст!
Вот увидите, говорю, первая про «Бе-
ресовый класс» напишет! Это и пошу-
кидал. По-своиски скажу — симфо-
нии! Читай тут одному — простой чело-
век, в пожарной команде работает...
Так, говорит, со вранья! Альфреда
де Мюссе никто не писал! Вить, гово-
рит, хочешь летать хочешь! Поставь,
говорит, десяти граммом, а то не знаю,
что сплю, расправил ты меня...
— Я не занимаюсь стихами, —
пытается объяснить критик.
— Но друг детства не слушает.
— Наклевозь прошибает! Смыну чти-
тал, два года пошлелу (навал), — ры-

Забегает приятель из соседнего отдела.

Старик, удручил! Насел на ме-
на Пушкин, требует на свою повесть
рецензию, и непременно в праздни-
чный номер. Тогда, говорит, у меня
весь год будет вдохновение. Дай что-
нибудь...

— Да ведь номер уже готов, толь-
ко и осталось, что традиционный
Фельетон.

Ну, суй его в фельетон, — со-
глашается покладистый приятель. —
Тем более, форма будет оригиналь-
ная — положение